

О.В. Скобелкин

Учёт артиллерии и боеприпасов в городах Белгородской черты в 1676 г.¹

От второй половины XVII — начала XVIII в. до нас дошёл очень информативный вид источников по истории южнорусских уездов — годовые сметные книги городов Белгородского полка. Хотя этот источник известен со времён публикации соответствующих томов «Описания документов и бумаг МАМЮ», до самого последнего времени исследователи почти не обращались к нему².

Каждая из книг представляет собой переписанные с некоторыми добавлениями и комментариями и переплетённые под одной обложкой отчёты (они называются то годовыми сметными книгами, то годовыми смета́ми) воевод и приказных людей городов Белгородского полка, присланные первоначально в Белгород — административный центр полка. Судя по всему, эти отчёты составлялись и отправлялись в Белгород к началу каждого нового календарного года, т.е. к 1 сентября. Таким образом, они содержат данные на весну-лето.

Годовая смета каждого города, в свою очередь, состоит из двух частей — подробного описания и кратких количественных итогов. Формуляр этих смет достаточно устойчив в пределах одной книги (а формуляры большинства книг схожи). Судя по всему, годовые сметы представляют собой ответы на некий «вопросник», содержащийся, по-видимому, в исходном документе — грамоте Разряда, предписывавшей составление ежегодных воеводских отчётов. Впрочем, этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Данные об артиллерии обычно располагаются после сведений о хлебных запасах и соли и перед описанием пригородных укреплений, укреплений Белгородской черты на территории соответствующего уезда, мест расположения и состава сторож в уезде и караулов в городе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-09-00313 А.

² Краткую характеристику источника см.: *Скобелкин О.В.* Годовые сметные книги 2-й половины XVII в. как источник для изучения южного фронта России // *Общество и власть: история и современность: Материалы Тринадцатой региональной научной конференции.* Воронеж, 2019. С. 30—32.

Годовая сметная книга 185-го (1676/77) года является одной из наиболее полных среди сохранившихся и содержит годовые сметы 55-ти городов. Из них 22 города были крепостями Белгородской черты. Это (с запада на восток): Вольный, Хотмышск, Карпов, Болховой, Белгород, Нежегольск, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогжск, Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж, Орлов, Усмань, Белоколодск, Сокольск, Добрый³. Артиллерия и боеприпасы присутствовали в 21-м городе; в Белоколодске не было ни того, ни другого.

В сметной книге учтены следующие четыре типа артиллерийских систем: пищали (включая пищали вестовые⁴), тюфяки (вариант названия — «пищали тюфяки дробовые»⁵), пищали огнестрельные⁶ и, наконец, пищали затинные. Кроме того, встречаются несколько вариантов крайне немногочисленных небольших мелкокалиберных пищалей — «две пищалки железных, мерою по семи вершков, весу в них по тринацати гривенок», «две пищали железные шмоговницы... в четверть гривенки ядро» и одна «пищаль волконейка... по полугривенки ядро»⁷. Самым распространенным и наиболее подробно описанным видом артиллерийских орудий, находившихся в крепостях Белгородской черты, были «пищали», т.е. пушки в современном понимании. Именно на их примере будет рассмотрен порядок учёта артиллерии.

³ Разряд обычно относил к городам «по черте» ещё Боровлю, Олешню и Ахтырский, однако В.П. Загоровский убедительно показал, что все они находились вблизи Белгородской черты, а не на ней, и что это вполне осознавалось современниками. (*Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 164—169).

⁴ Каких-либо отличий немногочисленных пищалей вестовых от просто пищалей по данному источнику найти не удалось. По мнению О.А. Курбатова, вестовыми назначались пищали «калибром в 6 или 8 фунтов — такие параметры позволяли сделать достаточно громкий выстрел» (*Курбатов О.А.* Пушкарский наряд в городах Белгородской черты // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 106). Однако в 185 г. учтены вестовые пищали калибром и в 4, и в 5, и даже в 2 гривенки. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 806, 886, 892 об., 1172 об.).

⁵ Об этих, относительно короткоствольных, орудиях для стрельбы «дробом» см.: *Лобин А.Н.* Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Ч. 1. Статьи. С. 111, 116, 121. <http://www.milhist.info/2012/12/29/15/lobin_1 (25.09.2019)>

⁶ Так в источнике названы системы, которые позже будут именоваться мортирами. (См.: *Лобин А.Н., Сапелин Р.А.* Новые данные об орудиях XV—XVI вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. X. С. 287. <http://www.milhist.info/2018/11/29/lobin_sapelin> (25.09.2019)). Четыре такие пищали хранились только в Белгороде, и все они были «от стрельбы попорченны, впредь стрелять из них не мочно» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 70).

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 74 об., 887, 1116 об.

Всего сметная книга зафиксировала 293 пищали (83 бронзовых и 210 чугунных) и 21 калибр. Наиболее распространёнными были калибры в 4 гривенки (66 стволов), в 3 и в 2 гривенки (по 57 стволов). Больше всего пищалей (20 и более) размещалось в пяти городах: в Белгороде — 38, Яблонице — 30, Новом Осколе — 26, Воронеже — 22 и в Усмани — 20. На другом полюсе (менее 10 орудий) находилось девять городов: Вольный и Сокольск — по 9, Ольшанск — 8, Верхососенск и Костенск — по 7, Нежегольск и Орлов — по 6, Усерд — 5 и, наконец, Урыв — 3⁸.

Описание артиллерии каждого города чаще всего разбивалось на две рубрики — «наряд медной» (с него всегда начиналось описание) и «наряд железной». Этими терминами назывались, соответственно, бронзовые и чугунные орудия. «Медный наряд», в отличие от «железного», имелся не во всех крепостях. Если бронзовых орудий не было, это либо указывалось специально («наряду медного нет»⁹), либо описание начиналось сразу с чугунных орудий¹⁰. Таким образом, первое, что учитывалось при описании пищалей — это материал, из которого изготовлен тот или иной ствол.

Внутри этих двух рубрик располагалось описание каждой пищали. Они следовали, как правило, в порядке убывания длины и массы стволов (при одинаковой массе первой описывалась более длинная пищаль). Помимо материала, для каждого ствола учитывались ещё семь признаков: 1) когда и каким образом орудие появилось в городе; 2) какого «литья» — то есть, условно говоря, место производства; 3) декор, надписи, клейма и т.п., включая «прозвание» пищали; 4) длина; 5) масса; 6) калибр; 7) повреждения.

Сведения о том, когда и каким образом пищаль появилась в крепости, приводятся в книге либо для каждого ствола, либо для группы. Первый вариант записи, достаточно редкий, выглядит так: «прислана в Белгород ис Царева Борисова во 121-м году»; «прислана в Белгород с Москвы во 149-м году»; «Покинул ея в Верхососенском полковник Франц Вульф во 181-м году для того, что она розорвона»; «прислана она с Москвы в прошлом во 178-м году»; «прислана с Воронежа в 155-м году»¹¹. Чаще данные приводились сразу о группе стволов (после описания каждого из них): «Поставил тот вышеписанной норяд в Бол-

⁸ Подробнее см.: Скобелкин О.В. Пищали в городах Белгородской черты в 185 году // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 138—143.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1115 об., 1436 об., 1488, 1593.

¹⁰ Там же. Л. 690 об., 977, 1116, 1427 об.

¹¹ Там же. Л. 68 об., 69, 806 об., 1082 об., 1132 об.

ховом боярин и воеводы князь Никита Иванович Одуевской с товарищи, как строил город Болховой во 154-м году»; «присланы из Белгорода по рассмотренью боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи во 169-м году»; «Присланы те пищали во 172-м году из Карпова по указу великого государя и по отписке боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи»; «Те вышеписанные десять пищалей присланы с Москвы во 149-м году»; «Присланы те все пищали и к ним ядра с Москвы да с Тулы в прошлых во 153-м и во 154-м, и во 160-м, и во 165-м годах»¹².

Однако нередко составители годового отчета не располагали данными об обстоятельствах появления в городе всех или какой-то части орудий. В этом случае делались записи следующего типа: «А откуда та пищаль в Болховой прислана и в котором году... того в Болховом неведома»; «и откуда и в котором году в Хатмышской присланы, того в книгах Федора Ренова не написано»; «А в котором году и откуда которая пищаль на Корочю прислана, и тому на Короче в приказной избе записки не сыскано»; «А вышеписанные пищали в котором году и откуда которая пищаль присланы, того на Воронежи ведать не по чему»¹³.

Следующая учётная характеристика ствола — место производства. Вариантов было три: «московского литья», «немецкого литья» и «литовского литья». Правда, в описании одной из пищалей Хотмышска содержится намёк на ещё один вариант «литья», хотя напрямую о нём ничего не сказано: «подпись на ней полского письма»¹⁴. Здесь можно предполагать «польское литье». Однако остаётся совершенно неясным, как по подписи латиницей составители хотмышского отчёта определили, что это именно польский язык. Почти во всех других подобных случаях указывалось, что надпись вылита «по-немецки».

Есть основания предполагать, что для артиллерии Белгородской черты был ещё один вариант отечественного «литья». В нескольких городах часть «наряда» или весь «наряд» значителен как присланный с Тулы. При этом в соответствующих годовых сметах речь о «литье» не идёт вообще. В тоже время в трёх городах вне черты — Ахтырском, Мурафе и Красном Куте — числятся пищали «тульского литья»¹⁵. Вполне возможно, что какие-то пищали, присланные с Тулы, были «тульского литья».

¹² Там же. Л. 499, 561, 559, 1174.

¹³ Там же. Л. 499 об., 559 об., 723, 1082 об.

¹⁴ Там же. Л. 559 об.

¹⁵ Там же. Л. 674 об., 1515, 1540 об.

Вместе с тем достаточно часто сведений о «литье» в распоряжении городских и уездных администраторов либо не было, либо по каким-то причинам они отсутствовали в отчёте («московского ль или немецкого и литовского литья, и признак вылитых никаких нет»; «какого литья, того в Болховом неведома»; «а какого ане литья... того в книгах Федора Ренова имянно не написано»; «И те пищали московского ль или немецкого, или литовского литья... на них не подписано»¹⁶).

Часть стволов имела специально отлитые (в отдельных случаях — выбитые) индивидуальные признаки — декор, различные изображения и надписи. Первые два элемента в сметах 185-го года назывались «признака». Самая распространённая «признака» — «пояса»: «признака на ней — вылит около той пушки кругом пояс», «признаки на них — вылиты окола по три пояса», «признаки на ней вылиты девять поясов»¹⁷. Имелись и другие «признаки»: «признака на ней — вылит орел», «признаки на ней вылитые — подле дула три лица человеческие да ящерица»; «признака на ней — вылитая змия»¹⁸. Растительный орнамент тоже, судя по всему, считался «признакой» («середь ея до дула вылиты травы»)¹⁹. Правда, составители короченской сметы к «признакам» отнесли и «подпись»: «на ней признаки вылитые — подпись вдоль по пищали: Божию милостию повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича все Руси лета 7138-го лил мастер Григорей Наумов». Описывая другие короченские пищали, они вообще обошлись без слов «признака» или «подпись»: «на ней вылита у запалу в кругу «Божию милостию повелением государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси лета 7131-го году лил мастер Кондратей Михайлов»; «на ней вылит орел двояглавой»²⁰.

«Подписью» назывался текст с информацией об отливке ствола; в очень редких случаях, когда оружие имело имя собственное — «прозвание» — оно входило в состав «подписи» («На ней подпись: пищаль Сабака в лета 7083-го делал Андрей Чехов»)²¹. Типичные подписи: «Божию милостию повелением великого государя царя

¹⁶ Там же. Л. 258, 499 об., 559—559 об., 789.

¹⁷ Там же. Л. 497 об. — 498,

¹⁸ Там же. Л. 559, 559 об., 1116 об.

¹⁹ Там же. Л. 721.

²⁰ Там же. Л. 721—722.

²¹ Там же. Л. 68 об. Эту белгородскую пищаль (кажется, единственную с «прозванием» среди пушек Белгородской черты) упоминает А.Н. Лобин. (*Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М., 2019. С. 273.*)

и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии слита лета 7137-го году, лил мастер Кондратей Михайлов»; «На ней у заправа подпись: Государь царь и великий князь Михайло Федорович [в оригинале ошибочно «Федович»] всеа Росии»; «У заправа вылита подпись: Мастер Алексей Акимов»; «Подпись на ней: Божию милостию повелением государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии лета 7131-го мастер Алексей Якимов»²².

Описание каждого ствола обязательно включало в себя три количественных показателя: длину, массу и калибр. Длина выражалась в аршинах и его долях и вершках («мерю по аршину без трех вершков», «мерю длины трех аршин с четвертью», «мерю пол-третья аршина с вершком»)²³. Масса ствола выражалась в пудах и его долях и гривенках («весу в ней тритцать пуд», «в другой дватцать восемь пуд без четверти», «в одной тритцать пуд с четвертью», «весу в ней осмнатцать пуд з двумя гривенки»)²⁴.

Особняком стоит учёт калибра. Калибр определяли не по диаметру канала ствола, как в наши дни, а по массе («весу») ядра. (Именно поэтому определить калибр тюфяков, в отличие от пищалей, по описаниям годовых смет невозможно: они стреляли не ядрами, а «дробом»). Масса ядра у обычных пищалей измерялась в гривенках и её долях («по три гривенки ядро», «по три гривенки без чети ядро», «по три четверти гривенки ядро», «по пол-третьи гривенки ядро»)²⁵. Эта информация располагалась в конце описания каждого орудия или после описаний нескольких орудий одного калибра («К тем трем пищалем четыреста одно ядро по пол-третьи гривенки ядро»)²⁶.

Орудия, имевшие повреждения и потому непригодные к использованию, также обязательно учитывались. В зависимости от масштабов повреждений, использовали два вида учёта: разорванные и целые, но повреждённые, стволы. В первом случае фиксировалось только наличие разорванного орудия, а его описания не делалось. В 185-м году в крепостях Белгородской черты таких пищалей описано две — в Белгороде («Пищаль железная разорванная;

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 559 об., 750 об., 751, 1081 об. «Подписи» и «признаки» к немногочисленным орудиям XV—XVI вв., находившимся в городах Белгородского полка (в том числе и крепостях Белгородской черты), опубликованы: *Лобин А.Н., Сапелин Р.А.* Указ соч. С. 283—294.

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 70, 73 об.

²⁴ Там же. Л. 1133, 71, 560 об., 1133 об.

²⁵ Там же. Л. 722, 807, 1082, 536.

²⁶ Там же. Л. 585.

от той пищали десять отрывков, весом в отрывках сорок два пуда»²⁷ и в Верхососенске. Правда, степень «разорванности» последней пищали была, по-видимому, значительно меньше белгородской, поскольку её описание всё же приводится: «Пищаль, мерою в длину 3 аршин, весу в ней двенатцать пуд, к ней ядер нет; покинул ея в Верхососенском полковник Франц Вульф во 181-м году для того, что она розорвона»²⁸.

Пищали с частичными повреждениями ствола описывались полностью, как и исправные орудия. Такие пищали стояли в двух городах — Хотмышке и Воронеже; по две в каждой из крепостей. Хотмышские пищали описаны следующим образом: «Пищаль, четырёх аршин с вершком, весу в ней сорок пуд; подпись на ней вылита: Божиею милостию повелением великого государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии слита лета 7137-го году, лил мастер Кондратей Михайлов; к ней ядер нет, по кружалу ядра надобны в четыре гривенки; на ней раз блиска дула, к стрельбе не годитца. Пищаль, трех аршин без вершка, весу в ней дватцать пять пуд дватцать гривенок; признаки на ней вылитые — подле дула три лица человеческие да ящерица, подпись на ней полского письма; запал розгорел; к ней ядер нет, а по кружалу надобны в две гривенки ядро; к стрельбе не годитца»²⁹. Также подробно описаны и воронежские пищали: «Пищаль медная, порченая, мерою в длину дву аршин без четверти; весу в ней восм пуд шесть гривенок; на ней вылит орел двоеглавой, меж глав крест; подпись на ней: Лета 7141-го государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии; на ней против вертлюга сквознина; стрелять из ней не мочно. Пищаль порченая ж, медная, скорострельная, мерою в длину аршина полу-четверта вершка; весу в ней с припоянным железам и с вертлюгом три пуда шесть гривенок; стрелять из ней немочно ж»³⁰.

Однако и в хотмышской, и в воронежской сметах есть пояснения. Хотмышск: «Те... пищали во 172-м году по приказу боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи оставлены в Хотмышском ис полку, а вместо тех пищалей взяты в полк ис Хотмышка четыре ж пищали медные»³¹. Воронеж: «Пришеты те две порченые пищали у думного дворянина и воивод Ива-

²⁷ Там же. Л. 74.

²⁸ Там же. Л. 806 об.

²⁹ Там же. Л. 559—559 об.

³⁰ Там же. Л. 1082 об. — 1083.

³¹ Там же. Л. 560.

на Большого Савостьяновича Хитрово с товарищи в прошлом во 181-м году»³². Если сопоставить эти пояснения с данными о верховосенской пищали, становится ясно, что пять из шести испорченных пищалей городов Белгородской черты были не крепостными орудиями, а полковыми пушками. Свои повреждения они получили, скорее всего, в результате интенсивного использования во время боевых действий. Став негодными, они оказались на хранении в крепостях. Что же касается полностью разорванной белгородской пищали, то что-либо сказать о её прежней судьбе ничего нельзя из-за скудости информации. Ясно одно: она, как и другие испорченные орудия, хранилась в городе.

Помимо всех перечисленных обязательных для учёта параметров, в тех редких случаях, когда ствол имел какие-либо дополнительные приспособления (например, вертлюги), они также включались в описание орудия.

Орудийные лафеты («станки») учитывались двумя способами. В первом случае наличие «станка» указывалось при описании орудия после данных о стволе. («Пищаль полковая, мерою трех аршин, весу в ней двенатцать пуд тритцать шесть гривенок; в станке на вертлюге; к ней сорок четыре ядра весом по три четверти гривенки ядро»³³.) Такого типа описания встречаются редко. В большинстве же случаев в годовых сметах содержатся описания второго типа, когда наличие «станков» указывается сразу для группы орудий или же для всех пищалей данной крепости («Те две пищали в станках на колесах, станки не окованы; к ним шездесят восемь ядер весом в пол-четверты гривенки ядро»; «По городу наряду меднаго и железнаго 16 пищалей, в станках и на колесах»)³⁴.

Составители некоторых смет посчитали нужным детализировать информацию о «станках». В отдельных случаях они указывали на оковку «станка» и колес железом, в одном случае — отсутствие такой оковки («Те две пищали в станках на колесах, станки не окованы»)³⁵. Порой описывался тип «станка»: осадный, волоковый, походный (в одном случае походными названы пищали, размещавшиеся, по-видимому, на «станках» этого типа — «три — походные, шесть — на осадных станках»³⁶). Как правило, все лафеты были

³² Там же. Л. 1083.

³³ Там же. Л. 1082.

³⁴ Там же. Л. 690 об., 497.

³⁵ Там же. Л. 690 об.

³⁶ Там же. Л. 584.

на колесах. Отсутствие «станков» (и редко — колес) также фиксировалось.

Из боеприпасов для пищалей учитывались ядра и порох («зелье пушечное»); последний — для всех типов артиллерийских систем. Как видно из приведённых выше примеров, информация о ядрах обычно располагалась либо в конце описания каждого орудия, либо после описаний нескольких орудий одного калибра. Приводились данные о количестве ядер и об их массе («к ней сто ядер весом по две гривенки ядро», «к ней девяноста девять ядер весом по шти гривенок ядро», «К тем вышеписаным девяти пищалем тысяча триста тридцать пять ядер весом по пол-четверты гривенки ядро»). Отсутствие ядер к какой-либо пищали также обязательно фиксировалось.

«Зелье» для артиллерии чаще всего учитывалось отдельно от пороха для ручного огнестрельного оружия. В ряде случаев приводились данные об обоих видах пороха («Зелья в козенном погребе ручного — тридцать пуд, пушечного — петьдесят восм пуд»; «Зелья ручного и пушечного девяноста пуд»; «Зелья ручного и пушечного 14 пуд 20 гривенок»)³⁷. Отсутствие артиллерийского пороха, разумеется, тоже фиксировалось. Его не было только в одном городе — Новом Осколе: «В казенном погребе зелья ручного — сто сорок три пуда осмнатцать гривенок; пушечного зелья нет»³⁸. Запасы фитиля учитывались всегда без какого-либо деления и измерялись в пудах.

Составители годовых смет городов Белгородской черты (как, впрочем, и других городов Белгородского полка) для описания артиллерии располагали тремя источниками информации — данные на стволе, данные в документах и, при отсутствии первых двух источников, данные измерений.

«Подпись» на стволе позволяла установить «литье». Естественно, что «подпись» кириллицей, как правило, означала «московское литье», а латиницей — «немецкое». Любопытно описание одного из орудий «немецкого литья» в белгородской смете: «Пищаль, прислана в Белгород с Москвы во 149-м году, немецкого литья. Подпись на ней — немецкие слова; а по скаске немцов на той пищали подпись: «Слита тысеца шестьсот тридцать шестаго, лил мастер Карнилус Оверрочий в Голанской земле в городе Ротродаме». Признака на ней — вылит сверх запалу святыи великий мученик

³⁷ Там же. Л. 499 об., 723, 807.

³⁸ Там же. Л. 789.

Христов Георгий»³⁹. Возможно, для установления «литья» какую-то роль играли и «признаки» на стволе.

Помимо (и гораздо чаще) «подписей» и «признаков» на стволах находился текст с основными характеристиками орудия — длина, масса и калибр. Этот текст назывался «подпиской». В описаниях пушек Белгородской черты текст «подписок» ни разу не приводится⁴⁰, но зато составители годовых смет постоянно ссылаются на них («весу в ней по подписке сорок семь пуд пять гривенок»; «Две пищали мерою по полутретья аршина с вершком, весу в них по подписке: в одной — тритцать пуд с четвертью, в другой — дватцать девять пуд с четвертью ж»; «Пищаль, мерою в длину трех аршин; по подписке весу в ней сорок девять пуд две чети») ⁴¹. Правда, терминологическая чёткость составителями отчётов выдерживалась не всегда. Так, в смете Болхового «подписки» названы «подписями»: «в них по весу по подписям по тритцати пуд, мерою в длину по три аршина пищаль»⁴².

Специальный документ с описанием характеристик орудия назывался «запиской». По-видимому, он составлялся в момент появления пищали в крепости и хранился в приказной избе. Некоторое представление о «записках» даёт описание двух орудий в Болховом. Эти пищали учтены как «литовского литья», причём на обеих никаких «признак» не было. Оба орудия находились в крепости со времени её возведения («Поставил тот вышеписанной норяд в Болховом боярин и воеводы князь Никита Иванович Одуевской с товарищи, как строил город Болховой во 154-м году») ⁴³. На первый взгляд непонятно, каким образом составители болховской годовой сметы или их предшественники, составлявшие отчёты в предшествующие годы, определили «литье» как «литовское». Однако, приводя сведения о длине, массе и калибре стволов, составители сослались на некую «записку» («Пищаль литовского литья, в ней по записки весу девять пуд, мерою длины дву аршин двенатцети вершков»; «Пищаль скорострельная литовского литья, в ней по записке весу четыре пуда, мерою длины два аршина двенатцеть

³⁹ Там же. Л. 69.

⁴⁰ Примеры таких «подписок», а также «подписей» см: *Лобин А.Н.* Артиллерия московских стрелецких полков в 1670—1680-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 22. <http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin/> (01.11.2019).

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 72, 560 об., 722.

⁴² Там же. Л. 499 об.

⁴³ Там же. Л. 499.

вершков»)⁴⁴. Первоначальное предположение, что «записка» — это искажённая некомпетентным болховским подьячим «подписка», не подтвердилось. Годовая смета Нежегольска называет и то, и другое: «и сколько в которой по подписке и по записке пудов»⁴⁵, а отчёт из Корочи указывает, где подобные «записки» следовало хранить: «А в котором году и откуда которая пищаль на Корочю прислана, и тому на Короче в приказной избе записки не сыскано»⁴⁶. Понятно, что «записка» становилась источником информации для составителей годовых смет в тех случаях, когда на стволе отсутствовали его характеристики, т.е. не было «подписки».

Ещё одним, но гипотетическим, способом получения информации было переписывание предшествующих годовых смет или каких-либо документов с аналогичными сведениями (например, расписных списков воевод). Предполагать такой метод составления отчётов позволяет тот факт, что в ряде случаев стволы не имеют никаких «подписей» и «подписок», ссылки на «записку» в смете нет, об измерениях не говорится, но данные о стволах приводятся. Правда, иногда, не располагая нужными данными, составители отчётов честно в этом признавались: «Весу в тех пищалех по смете будет по пятидесят пуд, а весить их на Короче нечим — конторы токова нет»; «а сколько в ней пудов, того неведамо: в Верхососенском весить не на что — терезей нет»; «Семь пищалей, что в них весу по подписке и признак на них нет, весить не на что — конторы и терезей нет»⁴⁷.

Упоминания о невозможности взвешивания стволов наводит на мысль, что в каких-то случаях такое взвешивание проводилось. Однако в 185-м году только в Белгороде зафиксировано наличие двух типов весов — «контарь з гирею, в подьеме 20 пуд; безмен, в подьеме пуд»⁴⁸. Любопытно, что несмотря на это, белгородцы (возможно, пользуясь своим особым положением — отчёт составлялся в разрядной избе Белгородского полка) отделались отпиской: «А в которых годех и откуда те вышеписанные пищали в Белгород присланы, то писано в сметных книгах 184-го году, а по нынешнему наличному осмотру и по весу те пищали весом и мерою не сходятца, а которые пищали весом и мерою не сходятца, и то написано будет подлинно в счотном и в росписном списке дьяка Ми-

⁴⁴ Там же. Л. 498—498 об.

⁴⁵ Там же. Л. 691.

⁴⁶ Там же. Л. 723.

⁴⁷ Там же. Л. 721, 806, 1173 об.

⁴⁸ Там же. Л. 100 об.

киты Юдина»⁴⁹. В других городах приспособлений для взвешивания, по-видимому, не было.

Путём измерений, включая взвешивание, получали, по-видимому, все данные о боеприпасах (если только эта информация не извлекалась из отчётов предыдущих лет). Это в полной мере относится к пороху («зелью») и фитилю, учитываемому по массе в пудах и гривенках. Иначе обстояло дело с ядрами. Количество их следовало подсчитывать, причём по отдельности для каждого орудия. Правда, и здесь белгородцы нарушили порядок учёта, сославшись на занятость: «к 38-ми пищалем 7 831 ядро розных статей — по 10 и по 8, и по 6, и по 5, и по 4, и по 3, и по 2 гривенки ядро. А сколько х которой пищали порознь ядер, и розбирать было те ядра и по кружалу к пищалем розвешивать за скорым отпуском сметных книг некали [так в источнике — *О.С.*]»⁵⁰.

В приведённой цитате примечательно слово «кружало». Оно регулярно всплывает во всех описаниях пищалей для указания на калибр, если отсутствуют данные «подписок» и «записок», а самих ядер нет: «К ним, ко всем четырем пищалем, ядер нет, а по кружалу надобны к ним по четыре гривенки ядро»; «Ядер к ней нет, а по кружалу надобны в полгривенки ядро»⁵¹. Подобные записи встречаются во многих городских сметах. Слово «кружало» имело несколько значений. Если исходить из формулировки белгородской сметы («розбирать... те ядра и по кружалу к пищалем розвешивать»), кружало было инструментом для измерения диаметра ядра; с его помощью ядра группировались именно по этому показателю, а уж затем взвешивались, и для каждой группы определялась масса ядра и, следовательно, калибр. Есть мнение, что кружало представляло собой инструмент, вкладывавшийся в ствол и позволявший сразу же пересчитать диаметр канала ствола (без его измерения) в массу ядра, определив, тем самым, калибр⁵². Однако среди артиллерийского оборудования, хранившегося как в Белгороде (в большом количестве), так и в некоторых других городах, «кружала» не зафиксированы.

В той же белгородской смете при описании стволов встречается ещё одно значение слова «кружало»: «признаки на ней вылитые:

⁴⁹ Там же. Л. 74 об.

⁵⁰ Там же. Л. 96 об.

⁵¹ Там же. Л. 499 об.

⁵² Выражаю искреннюю благодарность А.Н. Лобину за консультацию по данному вопросу.

по конец кружала с правые стороны — сабака» и «признаки на них: по конец кружал — кресты в клеймах»⁵³. Здесь речь идёт явно о какой-то части ствола; скорее всего, ближайшей к утолщению вокруг дульного среза. Если это предположение верно, то определение калибра «по кружалу» должно было включать в себя измерение диаметра дульного среза (или канала ствола), последующий пересчёт этой величины в массу ядра и, соответственно, калибр.

Несмотря на то, что полностью реконструировать все этапы и процедуры учёта артиллерии и боеприпасов пока не удаётся, завершить эту статью, наверное, можно той бодрой фразой, которой составители смет подводили итог описанию артиллерии своего города: «Наряд медной и железной в станках и на колесах, к стрельбе наготове».

Библиография

- Загоровский, В.П.* Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
- Курбатов, О.А.* Пушкарский наряд в городах Белгородской черты // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 98–109.
- Лобин, А.Н.* Артиллерия Ивана Грозного. М.: ЭКСМО, 2019. 318 с.
- Лобин, А.Н.* Артиллерия московских стрелецких полков в 1670–1680-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 1–41. <http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin/> (01.11.2019)
- Лобин, А.Н.* Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Ч. 1. Статьи. С. 104–158. <http://www.milhist.info/2012/12/29/15/lobin_1 (25.09.2019)
- Лобин, А.Н., Сапелин, Р.А.* Новые данные об орудиях XV–XVI вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. X. С. 283–294. <http://www.milhist.info/2018/11/29/lobin_sapelin> (25.09.2019)
- Скобелкин, О.В.* Годовые сметные книги 2-й половины XVII в. как источник для изучения южного фронта России // Общество и власть: история и современность: Материалы Тринадцатой региональной научной конференции Воронеж, 2019. С. 30–32.
- Скобелкин, О.В.* Пищали в городах Белгородской черты в 185 году // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 138–143.

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 68 об., 70.